
Дом быта:
починка
душ
Татьяна Кузнецова

Татьяна Кузнецова

Дом быта: починка душ

«Автор»
2026

Кузнецова Т.

Дом быта: починка душ / Т. Кузнецова — «Автор», 2026

После похорон любимой тёти четырнадцатилетняя Даша едет с родителями в местный Дом быта, чтобы забрать цепочку с двумя рыбками, последний подарок тёти Лены. Поездка заканчивается ссорой, и в сердцах Даша кричит: «Мы никуда отсюда не уйдём!"Дом быта слышит.За входной дверью оказывается тот же холл, коридоры тянутся в бесконечность, а часы над входом щёлкают впустую. Здесь нет чудовищ. Здесь чинят. Только не обувь и не пальто, а тех, кто их принёс.Чтобы выйти, недостаточно найти дверь. Нужно признаться себе в том, что боишься увидеть.У каждого свои призраки. И своя дверь наружу.

© Кузнецова Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Татьяна Кузнецова
Дом быта: починка душ

Глава 1

Я стояла у могилы и смотрела на тётю Лену в гробу. Смотрела и понимала: передо мной уже не она, а лишь искусно вылепленный восковой манекен. Кто-то аккуратно уложил ей волосы, накрасил губы помадой, которой она никогда не пользовалась, и сложил руки на груди. Всё было правильно. И всё было чужое.

Задумываются ли люди о том, что могут исчезнуть внезапно? Мысль эта до конца не осознаётся. Да, мы все смертны, когда-нибудь это случится… На этом здравый смысл обычно ставит точку.

В детстве я пыталась представить, что меня нет. Лежала ночью, зажмурившись, и старалась изо всех сил. Всё, на что хватило моего разума, — темнота и полная неподвижность. «Какая невыносимая скука висеть в пустоте», — подумала я тогда и тут же осеклась. Но ведь меня нет. Кому скучно-то? Выходило, что мой мозг не способен осознать собственное небытие. Хотя когда-то меня не было, а мир спокойно себе существовал и без меня. Я испугалась так, что полночи не могла уснуть, и никому об этом не рассказала.

Теперь эти мысли вернулись и ходили по кругу, тяжёлые, как мокрая земля под ногами. Вокруг плакали. А я стояла и не могла выдавить ни слезинки. Внутри всё сжималось, а глаза оставались сухими, и от этого было стыдно.

Мама стояла рядом, прямая, как палка. За все похороны она не проронила ни слезинки. Только теребила ремешок сумки так, что побелели костяшки.

Память услужливо подбросила картинку из раннего детства. Летний вечер, ствол дерева, и мы с тётей Леной сидим на корточках и смотрим, как рождается цикада. Мне казалось, что из обычного жука лезет нечто чужеродное, пугающее. Я была готова расплакаться. Но тётя Лена спокойно объяснила, что это не жук, а нимфа. А из этой старой оболочки выбирается взрослая особь — имаго. Я тогда мало что поняла, но образ застрял: старая оболочка, а изнутри — новое живое.

Глядя на тётю Лену, я думала: она — такой же сброшенный панцирь. Это казалось физически невозможным. Чтобы её — смеющейся, тёплой, пахнущей духами и ментоловыми сигаретами — вдруг не стало?

Тётя Лена была маминой подругой, но для меня стала единственным лучом света. Дома на мои детские трагедии отвечали коротко: «Не выдумывай. Уроки сделала?» А с ней было уютно и тепло. Когда я начинала бубнить о своих бедах, она всегда говорила:

— Ой, Дашка, Дашка… Жизнь пролетает как один миг. То, из-за чего ты сейчас ломаешь копья, через год не будет стоить и выеденного яйца. Пойдём лучше погуляем.

И мы шли к набережной. Ветер трепал волосы, и мне становилось спокойно. Ей одной я доверяла секреты, которые нельзя было рассказать маме.

В марте мне исполнилось четырнадцать, и тётя Лена подарила мне цепочку с кулоном — двумя рыбками. Я родилась под этим знаком.

— Рыбы стоят на границе миров, — шепнула она, застёгивая цепочку у меня на шее. — Заглядывают сразу в две бездны.

Наверное, она была права. Меня всегда тянуло ко всему иррациональному.

Незадолго до её ухода замочек на цепочке сломался. Тётя Лена сама отнесла её в починку, в наш Дом быта.

В тот вечер она влетела к нам после работы — порывистая, шумная, пахнущая холодом и духами. С порога сунула мне бумажку:

— Даш, отдала мастеру. Будет готово дня через три. Вот квиток, возьми. Я оплатила, тебе останется только забрать.

Скинула ботинки и пошла мыть руки. Это были её последние слова, сказанные мне.

Через минуту мы с мамой услышали грохот в ванной. Прибежав, увидели тётю Лену на полу. Полка рухнула со стены: видимо, падая, она задела её рукой. Дальше всё как в тумане. Вой сирены, скорая, тревожное ожидание и сухой приговор: тромб. Оторвался тромб. Какой ещё тромб? Как он мог оторваться? Как посмел этот тромб отнять у меня самого дорогого человека?

Гроб уже опускали. Я отступила на шаг и, не разжимая губ, позвала:

— Тёть Лен… Ты где? Ну дай хоть какой-то знак.

Комок земли ударил меня в бок. Мальчишка из чьей-то родни не дождался, пока гроб опустят, и швырнул свою горсть раньше времени. Земля осыпалась по куртке, а карман вдруг потяжелел. Я сунула руку и нащупала камень, гладкий и холодный. Он лежал рядом с бумажным квитком на ремонт моей цепочки.

За спиной раздалось осуждающее цоканье:

— Ох, не к добру, плохая примета… Ты посмотри, прям в девку… Как бы за собой не потянула…

Мама обернулась и поморщилась:

— Выкинь немедленно.

А я смотрела на этот камень как на сокровище. Мне казалось, что тётя Лена сама вложила его мне в руку.

— Нет, — тихо, но твёрдо сказала я. — Это от неё. Не отдам.

Ссора вспыхнула мгновенно. Мы поругались прямо у могилы, на глазах у всех. Домой ехали в тяжёлом молчании. Отец привычно смотрел сквозь лобовое стекло, будто был не в машине, а где-то ещё.

— Ты скажешь ей что-нибудь?! — сорвалась мама.

Отец устало повернулся ко мне:

— Даш, ну правда… Сдался тебе этот булыжник?

Я отвернулась к окну. Он вздохнул глубоко и тяжко, как вздыхают взрослые, когда не знают, что делать с чужой истерикой. Больше мы не сказали друг другу ни слова до самого дома. Уже у подъезда я вспомнила про мастерскую:

— Пап, завтра отвезёшь меня в Дом быта? Цепочку забрать надо.

Мама, словно очнувшись, добавила механически:

— Поедем вместе. Мне пальто в ателье отнести, рукава подшить.

Дверцы машины хлопнули, и тишина стала плотнее. Так закончился этот день.

Утро началось с холодной войны. Камень, который я положила под подушку, исчез. Мама, естественно, отнекивалась, но я-то знала, что это она его выкинула.

— Либо камень, либо я никуда не еду. — Голос дрогнул, выдавая готовность разреветься.

— Как знаешь. — Мама дёрнула собачку молнии на сапоге. — Твоя побрякушка — твои проблемы.

Больнее было не придумать. Можно было остаться дома и не разговаривать с ней неделю. Но в Доме быта лежала моя цепочка, последнее, что осталось от тёти Лены. Камень у меня уже отняли. Цепочку я не отдам.

Закусив губу, чтобы не разреветься, я выскочила из квартиры и, садясь в машину, от злости хлопнула дверцей. Отец посмотрел на меня в зеркало заднего вида долгим тяжёлым взглядом и отвернулся.

Дом быта стоял на углу, как стоял всегда: серый, двухэтажный, с выцветшей вывеской «Ремонт любой сложности». Внутри пахло обувным клеем и мокрыми зонтами. Серый линолеум в мелкую ёлочку протёрся у порога до дыр. Лампы дневного света гудели, а одна, у самого входа, мигала, будто никак не могла решиться погаснуть. Над дверью висели круглые часы. Стрелки на них стояли, а механизм всё равно щёлкал, упрямо и впустую. Напротив входа, за витриной с парфюмерией, скучала девушка, уткнувшись в телефон.

Мама сразу ушла в ателье. Отец остановился у окошка «Ремонт обуви» и долго, без всякого дела, разглядывал полки с коробками, как будто что-то там искал.

Я протянула квиток в окошко. Приёмщица даже не стала его разворачивать.

— Оплачено, — сказала она и положила передо мной цепочку.

Замочек был как новенький. Рыбки лежали на ладони, холодные и лёгкие, одна головой в одну сторону, другая в другую. Я вспомнила её слова о границе миров. На секунду мне показалось, что этот кулон как-то связывает нас и что тётя Лена вполне может меня слышать. Надеть цепочку я не решилась: почему-то казалось, что, если застегну замочек, что-то закончится навсегда. Я сунула её в карман куртки, туда, где вчера лежал камень.

Мама бодрым шагом вышла из ателье, окликнула отца и направилась к выходу. Я смотрела на пустой карман, и обида вернулась разом, будто её и не было.

— Камень! — крикнула я ей вслед.

— Господи, да сколько можно! — Мама развернулась. — Нет у меня твоего камня! Психованная!

— Мы никуда отсюда не уйдём, пока ты мне его не вернёшь! — крикнула я в сердцах.

— Хорошо, дойдёшь до дома пешком. Надоело с тобой нянчиться, — устало сказала мама и пошла к двери.

Я смотрела родителям вслед, изо всех сил пытаясь не разрыдаться. Мама открыла входную дверь и закричала.

Я кинулась к ним, попутно отмечая, что на крик никто не обернулся. Ни приёмщица, ни девушка за витриной. Подбежав, я заглянула отцу через плечо и ахнула. Вместо улицы за дверью простирался холл. Тот же линолеум в мелкую ёлочку, протёртый до дыр у порога. Та же мигающая лампа. И длинный, нескончаемый коридор, уходящий вглубь.

Мы застыли. Потом оглянулись. Позади всё было по-прежнему: напротив входа за витриной с парфюмерией сидела та же девушка и смотрела в телефон. Мама рванулась к ней:

— Девушка! Простите! Где выход?!

Девица даже глаз не подняла. Я подошла ближе и заглянула ей через плечо. На экране девчонка бежала по бесконечному коридору и кричала в камеру смартфона: «Я не могу выйти отсюда, я не могу выйти отсюда!» Ролик закончился и тут же начался снова. И снова. Двадцать секунд, и всё сначала. Девушка за витриной не моргала. Я пригляделась к экрану и похолодела: на девчонке был точно такой же спортивный костюм, как у меня.

— Что за чертовщина? — Голос мамы дрогнул, переходя в истерику.

— Мам, а может, мы попали в параллельную реальность?

— Не неси чушь! Насмотрелась своих экстрасенсов, совсем перестала рационально мыслить?! — крикнула мама и то ли от злости, то ли от бессилия со всей силы ударила кулаком по витрине.

Стекло помутнело, задрожало, как вода, в которую бросили камень, и стремительно затянулось, снова став идеально целым. Мама уставилась на свою руку. На костяшках не было ни царапины. Она медленно разжала кулак и посмотрела на меня так, будто впервые не знала, что сказать.

Девушка продолжала смотреть свой бегущий по кругу ролик.

Я бросилась к окну. Улица была на месте: столбы, остановка, прохожие. Через стекло виднелась наша машина у бордюра. Окно выходило на улицу, а дверь — в коридор. Это не укладывалось в голове.

Только прохожие вели себя странно. Мужчина в пиджаке размеренно бился лбом о фонарный столб, беззвучно, будто отбивал такт. Две женщины кивали друг другу и улыбались, кивали и улыбались. А у самого стекла стоял маленький мальчик и смотрел прямо на меня. Когда наши взгляды встретились, он улыбнулся. Слишком широко.

В кармане что-то кольнуло холодом. Я сунула туда руку. Рыбки были ледяными, будто их только что достали из снега.

К нам подошёл отец. Впервые за долгое время на его лице что-то дрогнуло: брови сошлись, рот приоткрылся, как у человека, который забыл, что хотел сказать. Но надо отдать ему должное: его флегматичность оказалась тут на руку. Он собрался быстрее нас.

— Так, — веско сказал он. — Все успокоились. Вчера был тяжёлый день, мы все понервничали. Сейчас подойдём к двери ещё раз, спокойно откроем и выйдем.

Мы молча пошли к выходу. Впервые между нами ощущалось что-то похожее на сплочённость. Но все мы чувствовали, что вряд ли выйдем отсюда. Что-то нас не пускало. И, кажется, я знала, что именно. В ушах всё ещё звенел мой собственный крик: «Мы никуда отсюда не уйдём…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.